

Предисловие

Я написал две третьих «316...» в Париже в 1982-м, последнюю, третью треть дописал уже в ельцинской Москве.

«316...» — безошибочно антиутопия. Тогда, в 1982 году, дата 2015 казалась мне дичайше удаленной во времени. ну чего вы хотите, я не планировал дожить и до 2000-го.

Вкратце сюжет романа таков: земляне борются с перенаселением планеты, «Штаты» как всегда впереди, по практическому закону Соединенных Штатов Америки стариков, достигших 65 лет, «гуманно» уничтожает государство.

В России в 2015 году возраст ликвидации стариков в моем романе обозначен в 67 лет. Почему? Возможно, из симпатии к России.

Интересно, как протагонист романа, как раз ему исполнилось 65 лет, из этой неприятной ситуации выпутается, да? Вот об этом и роман.

Положа руку на сердце, хочу признаться в том, что переиздание книги связано с сегодняшней дискуссией по поводу повышения пенсионного возраста. С целой бурей эмоций общества по этому поводу. Ну как не переиздать, если в воздухе тысячи раз на дню возникает это «65 лет!» «65 лет!», в голову тебе вдалбливают «65 лет!»

Дальше будет хуже — утверждает моя антиутопия.

Эдуард Лимонов

2 июля 2015 года

Выходя из Национального центра здоровья на Бродвее, Ипполит прижал привычным движением подушечку большого пальца правой руки к темному стеклу гардиен-дактилографа, но identity card¹ из щели не выскочила. Красная надпись «Withdrawn»² зажигалась, исчезала и зажигалась в окошке гардиен-компьютера, пока Ипполит не убрал палец.

Ошеломленный, Ипполит проделал операцию еще раз, но и при второй попытке гардиен-дактилограф не вернул кард, и сочащееся кровью «Withdrawn» вновь вспыхнуло несколько раз в окошке. Ипполит щелкнул выключателем «переговоры» и, согнувшись, чтобы слова шли аккуратно в черную решетку микрофона, помещающуюся над темным стеклом дактилографа, задал компьютеру вопрос:

— Причина?

— Твой возраст, — коротко ответил компьютер. — Второго мая тебе исполнилось шестьдесят пять лет. Сегодня второе июля две тысячи пятнадцатого года.

Спорить было не с кем. Согласно демографическому закону номер 316, пункт «В», от 2011 года Ипполит Лукьянов, литератор, подлежал изъятию из общества, то есть уничтожению. Как и все граждане Соединенных

¹ Карточка, удостоверяющая личность (англ.).

² Отозвана (англ.)

Штатов, достигшие шестидесяти пяти лет, если только они не имеют особых заслуг перед государством.

Ипполит поднял с полу спортивную сумку, пересек старый холл и вышел на Бродвей.

Бармену было на вид лет пятьдесят, но его звали Тони, как мальчика. У Тони, подумал Ипполит, все еще впереди. У Тони в запасе пятнадцать лет.

Тони подал Ипполиту вторую текилу, потом обслужил вошедших из июльского ада двух юношей в красных джинсах и красных же тишотках с серпом и молотом на груди. В последние несколько лет в Штатах свирепствовала эпидемия «красной моды» и большинство молодежи расхаживало по городам Америки русскими комсомольцами середины прошлого века. Налив «комсомольцам», как их мысленно назвал Ипполит, два пива, Тони вернулся к нему:

— Как дела, мистер Лукьянов, какие новости?

— Ноль новостей, и столько же дел.

— Эй, бармен, — крикнул один из парней, блондин с жирным лицом, — вруби нам Ти-Ви-консоль.

Тони состроил недовольную гримасу, которую, впрочем, мог видеть только Ипполит, и, нагнувшись под прилавок, нажал на кнопку. Над баром, над бутылками, под потолком зажглась стена телеконсоли. Розовые большие лица команды ведущих новостей зашевелили большими губами, засверкали зубами, и, радостно улыбаясь, самое большое лицо объявило:

— Согласно ставшим доступными сегодня данным Чикагского Мирового демографического центра, население земного шара в прошлом, две тысячи четырнадцатом

году уменьшилось на двадцать девять миллионов пятьсот сорок семь тысяч четыреста десять человек.

— И все же рекордным останется две тысячи седьмой год, — сказал Тони вполголоса, наклонившись к Ипполиту, — тогда население уменьшилось сразу на пятьдесят шесть миллионов человек.

Тони имел в виду «суточную войну», 22–23 ноября 2007 года. Точнее говоря, она продолжалась 21 час. Тогда Соединенные Штаты и Россия сошлись в ядерной войне. Половина территории Германии, часть Польши, южная часть Британских островов, большие города Калифорнии, часть штата Вашингтон, несколько больших городов Украины до сих пор лежат в развалинах и объявлены национальными заповедниками-памятниками. Большинство этих несчастливых кусков Земли до сих пор сохраняют высокий уровень радиации, и посещение их запрещено. Дороги, ведущие в безумные пустыни, блокированы...

— Где ты был двадцать второго ноября две тысячи седьмого, Тони?

— Здесь, в Нью-Йорке. Мы думали, что городу остается жить минуты, может быть, часы... Но у русских были для нас, оказывается, другие планы... У меня не было еще этого бара, я тогда работал в «Хиггинс-бар» на Лексингтон. Где были вы?

— В Африке.

— Счастливчик. Предполагаю, что ни в одном самом безумном военном плане Африке не предназначалась эйч-бомба, разве что последняя, которую уже некуда было запулить... Тут был сумасшедший дом с восемнадцатью миллионами пациентов... Пили, е...лись, кололись, прощались, целовались... Большинство даже не

пыталось никуда убежать. Говорили, что русские ракеты с подводных лодок могут достичь нас за тринадцать минут. Кто-то поправлял — за семнадцать минут. А куда ты убежишь даже за семнадцать минут?.. Я так и не могу понять, почему русские не тронули Нью-Йорк...

— Никто этого не знает, — сказал Ипполит. — Мы до сих пор даже не знаем, кто же, собственно, начал войну.

Тони посмотрел на него настороженно, и Ипполит подумал, что он слишком далеко зашел, что они оба слишком далеко зашли в этом разговоре, и посему, спротив себе еще текилу, уставился в телеконсоль.

На вид Ипполит Лукьянов моложе своих шестидесяти пяти. Он всегда выглядел моложе своих лет. В двадцать восемь ему давали восемнадцать. Сейчас он натягивал на пятьдесят пять. Если остричь длинные, не очень опрятные волосы, лицо будет казаться еще моложе. Однако людям из Демографического департамента наплевать, как он выглядит. Тем более этим мясникам из Отдела уничтожения. Ипполит осторожно огляделся по сторонам. Никого, кроме самого Лукьянова, Тони и двух мордатых парней в красном, в баре не было. Парни, подумал Лукьянов, вполне могут быть из Отдела уничтожения. Именно такие там и работают — молодые и мордатые. Они, казалось, не обращали никакого внимания на Лукьянова. Ипполит осторожно расправил воротник своей спортивной куртки, в уголке которого был приколот значок с флюоресцентными буквами «S. E.».

«S. E.» означали «self-employed»¹ и, помимо права таскаться по улицам без того, чтобы быть каждые полчаса

¹ Человек свободной профессии, самоустроенный (англ.).

остановленным какой-нибудь из многочисленных полиций, означало еще, что обладатель значка принадлежит к определенной категории граждан. Рабочие фабрик носили значки с «F. W.» — «factory worker»¹, у Тони был значок «F. D.» — «food and drinks»². Ипполит не знал всех видов значков, но, без сомнения, все они были известны полиции. В таком городе, как Нью-Йорк, невозможно выйти на улицу без значка и не быть остановленным полицией в пределах первых десяти минут. Если ты был без значка, тебя просили предъявить айдентити-кард. У Ипполита был значок, но не было уже айдентити-кард.

Смакуя текилу и посасывая лимон, Ипполит Лукьянов попытался обдумать свое положение. И в предшествующие сегодняшнему дню годы он время от времени обдумывал свое положение, созывал с самим собой генеральные советы, и тема смерти была неизменной и главной темой на всех без исключения генеральных советах Ипполита Лукьянова. К необходимости когда-то умереть он относился безо всякого страха или каких-либо особых сантиментов. Но быть уничтоженным, как крыса, только потому, что идиотам из Демографического департамента удалось провести закон 316, пункт «В», напугав е...ных буржуа еще большим увеличением тринадцатимиллиардного населения земного шара!.. Ипполит Лукьянов не хотел умирать. Он сидел,пил свою текилу и вовсе не хотел быть уничтоженным.

¹ Фабричный рабочий (англ.).

² Еда и питье (англ.).